

A. P. Babushkin (Voronezh) COMIC EFFECT WHEN MISINTERPRETING UNKNOWN WORDS

The author classifies typical instances of misinterpretation when an unknown word is encountered by a language user. The word can be interpreted in a naïve manner; “folk etymology” can be applied by children at the age from 2 to 5; there may be a shift in using the word incorrectly within its usual sphere; confusing the phonetic side of the word can be misinterpreted; and, finally, an unknown word may be used without any grounds, senselessly. The five misinterpretation types constitute the ‘*ignorance models*’ of cognition.

СОЗДАНИЕ КОМИЧЕСКОГО ПРИ ОШИБОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
НЕЗНАКОМЫХ СЛОВ

Выражение «концепт – ‘квант’ структурированного знания» давно стало хрестоматийным. Известно также, что упорядоченная совокупность концептов народа формирует его концептосферу (Попова, Стернин 2007: 36). Однако концептосферу национально-го коллектива людей следует отличать от концептосферы отдельной языковой личности, которая имеет свои особенности. У каждого индивида есть собственный культурный опыт, запас знаний и навыков. Ими определяется богатство концептов, а иногда и их бедность (Лихачёв 1993: 4). Некоторые концепты в концептосфере носителей языка могут отсутствовать вообще, и тогда комический эффект вызывает неуместное употребление их словарных обозначений.

На конкретных примерах, почерпнутых из художественной литературы, рассмотрим несколько случаев ошибочной интерпретации слов и через их анализ попробуем выделить определённую градацию в незнании того, что хорошо известно другим.

1. **Случай первый. Наивное толкование незнакомого слова.**
См. нижеследующий пример:

Посоветовавшись, они (тимуровцы) решили отправить ультиматум, на манер того послания запорожцев к турецкому султану, который каждый видел на картине, когда читал о том, как смелые казаки боролись с турками, татарами и ляхами.

(А. Гайдар. «ТИМУР И ЕГО КОМАНДА»)

Предводитель поселковых хулиганов услышал слово «ультиматум» в первый раз:

– *Это что такое, я не знаю, – насмешливо объявил Квакин. – Вероятно ругательство или что-нибудь в этом смысле.*

– *Это такое международное слово. Бить будут, – объяснил стоявший рядом с Фигурой бритоголовый мальчуган Алёшка.*

(Там же)

По Толковому словарю русского языка, «ультиматум» - решительное требование с угрозой применения мер воздействия в случае отказа.

Из приведённых выше иллюстраций следует, что смысл данного слова (*ультиматум* – от лат. *ultimus* «самый последний») юным героям Аркадия Гайдара отчасти понятен, хотя интерпретируется он по-детски, простым доступным языком.

2. Случай второй. «Народная этимология» в речи детей возраста от «двух до пяти».

Народной этимологией называется переосмысление неизвестного или малопонятного слова по случайному сходству с более известным и понятным (Реформатский 1955: 75).

Невольная реализация этого явления маленькими детьми имеет свою специфику – в ней усматривается их упорная и планомерная работа, направленная к овладению языком взрослых людей.

Живя в окружении старших, ребёнок то и дело слышит слова, смысл которых ему не ясен. Часто он сам пытается осмыслить новые речения без помощи со стороны, так как уверен, что легко справится с этой задачей, и действительно решает её «по вдохновению», внезапно прибегая к самым фантастическим выдумкам на основе своего сильнейшего языкового чутья – единственного средства, которым он для этого располагает (Чуковский 1957: 72).

Допускаемые ребёнком ошибки в осмыслении слов, принадлежащих языковым ресурсам взрослых, показывают, в каком направлении совершается работа в голове малыша, когда он перенимает наше обширное наследие, и обнажают те методы, с помощью которых он овладевает этим колоссальным богатством.

Ребёнок требует логики от каждого слова и если не находит её, то выдумывает сам:

«Увидит в деревне крестьянина, несущего грабли, и решает, что это – грабитель»;

«- Ломовик! – говорит он про мальчика, который ломает игрушки»;

«Лодырь – это человек, который делает лодки, а всадник – это который в саду»;

«Фантазёр – кто пускает фонтаны», «спец» - про человека, который любит поспать, а «казак», конечно, муж козы».

Такие формулировки исследователь детской речи К. И. Чуковский называет «временными гипотезами», «временными», так как они быстро вытесняются данными опыта благодаря педагогическому вмешательству взрослых (Там же: 75).

Любопытно, что нечто подобное наблюдается в процессе языковой игры, когда острословы, давно вышедшие из детского возраста, заставляют нас переосмысливать те или иные слова с учётом их связи с какими-то другими словами.

Курица – дама с сигаретой (потому что курит);

Метелица – дворничиха (потому что она метёт улицу);

Стриж – парикмахер (потому что стриждёт);

Утконос – санитар (потому что подносит судно – в просторечии «утку»);

Противень – оппозиционер (потому что выступает против той или иной линии);

Лорнет – выходной день у отоларинголога (потому что «лора» нет на работе) и т. п.

Эти примеры вызывают комический эффект лишь тогда, когда человек осознаёт мотивационный признак, оправдывающий «новое» идеальное содержание, которое и «укладывается» в тело «старого» знака (Ломов, Бабушкин 2001: 120-123).

3. Случай третий. Некорректное употребление слов в рамках смыслового пространства, в котором допустимо их надлежащее употребление.

Ляпусы подобного рода находим в юмористическом рассказе М. Зощенко «ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК»:

Мой сосед, не старый ещё мужчина, с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил: – А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

– Пленарное, – небрежно ответил сосед.

– Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

– Да уж будьте покойны, – строго ответил второй. – Сегодня сильно пленарное и кворум такой подобрался – только держись.

– Да ну? – спросил сосед. – Неужели и кворум подобрался?

– Ей-богу, – сказал второй.

– И что же он, кворум-то этот?

– Да ничего, – ответил сосед, несколько растерявшись. – Подобрался и всё тут.

– Скажи на милость, – с огорчением покачал головой первый сосед. – С чего бы это он, а?

Подобный разговор как нельзя лучше характеризует речь так называемых «выдвиженцев» – рабочих, выдвинутых на какую-то ответственную должность в первые годы советской власти.

Тем не менее, слова, фигурирующие в рассказе, при их корректном употреблении по праву входят в лексико-семантическое поле «ЗАСЕДАНИЕ».

Казусу на собрании «ответственных работников» былых времён вторит армейский анекдот:

Идёт командно-штабное учение. Два генерала склонились над картой.

– Предполагаемое количество танков противника примем за «икс».

– Нет, за «икс» мало. Лучше за «изрек».

(«АНЕКДОТЫ. САМЫЕ СВЕЖИЕ»).

В отмеченных курьёзных фактах, пусть даже далёких от реальности (но в каждой шутке есть доля правды!) видятся желание профанов выразиться «авторитетно», хотя использование мало знакомых слов оказывается не к месту.

4. Случай четвёртый. Он является олицетворением русской поговорки «Слышать звон, да не знать, где он».

Слово «звон» названо здесь не случайно в голове у человека имеется смутное представление о каком-то предмете мысли, и даже в «уголках памяти» вырисовывается приблизительный фонетический облик «трудного» слова. Но «блеснуть» им явно не удаётся: позволим себе привести ещё один анекдот под названием «НА ФУРШЕТЕ».

Одна генеральша:

– Ах, какой фурор!

Другая:

– Не фурор, а фураж!

По словарному толкованию, *фурур* – «шумный успех, вызывающий всеобщее одобрение». *Фураж* – «корм для сельскохозяйственных животных».

Со словом *фуришет* их «роднит» чередование звуков [ф] и [р].

5. Пятый случай. Употребление незнакомого слова без всякой видимой связи, создающее гротескную бессмыслицу.

Обратимся к фрагментам романа И. Ильфа и Е. Петрова «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬБЕВ»:

– Скажите, Ляпсус, – спросил Персицкий, – какие, по-вашему шакалы?

– Да знаю я, отстаньте!

– Ну, скажите, если знаете!

– Ну такие... в форме змеи!

Для человека с «говорящей фамилией» (*ляп* – «грубая ошибка, промах») *пеньюар* – это «бальное платье», *седло дикой козы* подаётся к столу вместе со стремянами, а волны способны «перекатываться через мол и падать вниз стремительным домкратом».

Пять выявленных случаев, выстроенных в определённую систему, с нашей точки зрения, квалифицируются как «модели незнания» (*ignorance models*) формирование которых сводится к следующим причинам:

1) возрастные ограничения, не позволяющие постичь смысл скрытый за вербальной оболочкой слова;

2) недостаточно глубокое понимание предмета мысли, обозначенного словом;

3) стремление оперировать «умными» терминами с целью продемонстрировать свою компетентность (а фактически – совершенно несостоятельную) в обсуждении тех или иных вопросов;

4) желание «блеснуть» услышанным где-то «модным словечком» при весьма приблизительном осознании его формы и содержания;

5) полное непонимание произносимого (заумь) как индикатор умственной ограниченности говорящего субъекта.

Конечно, человек не обязан быть «ходячей энциклопедией». Правы А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, когда говорят, вспоминая пример Л. В. Щербы, что любая деталь паровой машины в

принципе является для нас «золотником» (в том смысле, что в устройстве паровой машины много различных деталей, о существовании которых мы не задумываемся, так как они не находятся в фокусе нашего внимания. Мы не являемся профессионалами в области паровых машин и знать о них нет особой необходимости (Баранов, Добровольский 1997: 15).

Диалектический подход к данной проблеме видится в том, что, с одной стороны, носитель языка не должен выходить за пределы собственной концептосферы и рассуждать о совершенно непонятных ему материях; с другой – он всегда должен стремиться расширять свой кругозор, постоянно и активно приумножать интеллектуальный и словарный багаж.

Многое зависит от личных познавательных стремлений индивида, так как в этом направлении когнитивные возможности человека практически не ограничены. «Знания о мире неуклонно растут, внеязыковой опыт постоянно расширяется. Этому способствует энергия человеческого познания, или «энергия незнания», как говорил Толстой, направленная на расширение индивидуального внеязыкового опыта каждого из нас как вида гомо сапиенс», – писал Ю. Н. Караулов (Караулов 1987: 169).

Чем грамотнее станет общество носителей языка, тем меньше будет оснований для ошибочной интерпретации семантики слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Изв. РАН. – Сер. лит. яз. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11-27.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
3. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Изв. РАН. – Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3-9.
4. Ломов А. М. Языковая мотивированность и языковая игра / А. М. Ломов, А. П. Бабушкин // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 120-123.
5. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток – Запад, 2007. – 314 с.

6. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М. : Учпедгиз, 1955. – 396 с.

7. Чуковский К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – М. : Детгиз, 1957. – 365 с.

Источники

1. Анекдоты. Самые свежие / Авт.-сост. Т. Г. Ничипорович. – Минск: Современный литератор, 2003. – 832с.

2. Гайдар А. Тимур и его команда // А. Гайдар. Собр. сочинений в 4-х т. – Т.3. – С. 84-167.

3. Зощенко М. Обезьяний язык // М. Зощенко. Избранное. – М : «Правда», 1983. – С. 78-79.

4. Ильф И. Двенадцать стульев // И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. Золотой телёнок. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. – С. 17-325.

Получено 22.09.2009

Бабушкин, Анатолий Павлович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка гуманитарных факультетов Воронежского государственного университета; Plphyl@main.vsu.ru